

ШЕКСПИР ГЛАЗАМИ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Мариэтта ШАГИНЯН

И АЖЕ сейчас, когда вы въезжаете на тихую улочку Стрэтфорда-на-Эвоне, и вас окружают игрушечные домики с треугольниками чердаков, перепоюсаные по фасадам деревянными балками, похожими на медовые рамы, вынутые из ульев, — даже сейчас кажется он вам не городом, а деревней. А уж сорок лет назад этот старинный городок несомненно смыкался с деревней, к самым стенам его подходили крестьянские поля, фермерские усадьбы, торговля в нем шла крестьянскими товарами, а злободневнейшими интересами в нем были интересы тогдашнего сельского хозяйства. А интересы эти были очень острые, — быть может, острее в истории старой Англии. Если вы сейчас поедите по английским дорогам, вас уж наверное удивят бесконечные цепочки плетней, огораживающих дорожку справа и слева, — от лесов и полей, лугов и рощ. Захотите, как это привыкли мы делать у нас, размять ноги, выйти из машины и прогуляться в леску, а вот и нельзя, — всюду, куда ни глянь, — огорожено, всюду плетень, хэдж по-английски, — и сквозь частокот этих «хэджей» нигде не пролезешь, а если и пролезешь — натыкаешься на самый сердитый закон, огораживающий «божью природу» и «общие поля» от человека, — закон против вторжения (треспес) на чужую территорию. С «огораживаниями» общинных земель, насильственно отнимаемых английской знатью, владельцами крупных поместий, — от крестьян, чтоб, — с ростом мануфактуры, суконного производства, — пасти на этих отнятых у крестьянства землях свои тысячные овечьи стада, — началась, в сущности, история современной Англии, «царицы морей», и недаром некоторые английские историки так и начинают свои книги с «хэджей», с обезземеливания крестьян. За 15 лет до рождения Вильяма Шекспира произошло в Норфолке знаменитое крестьянское восстание Роберта Кэта, шедшее под лозунгом: «Мы несем изгороди и заборы, засыпем канава, вернем общинные земли и сровняем с землей все без исключения загордки, возведенные с позорной низостью и бесчувственностью». Даже короли целым рядом указов с конца XV по конец XVI века боролись с этим произвольным захватом крестьянских земель, правда, безуспешно. И борясь против обезземеливания крестьян, они делали исключения для рощ и лесов, превращаемых лордами в свои охотничьи заповедники, — развязывая этим знатным насильникам руки в их борьбе с браконьерами, стрелявшими дичь или удившими рыбу в их, незаконно захваченных, угодьях. Обращаясь к жизни Вильяма Шекспира, мы прежде всего наталкиваемся на первую легенду, созданную историками на его родине: легенду «золотого века». Крупнейший современный английский стилист, историк-кэмбриджец Г. М. Тревелиян так и пишет в своей знаменитой «Английской социальной истории»: «Шекспиру удалось жить в лучшее время для страны... Лес, поле и город были в состоянии совершенства, и все три были нужны, чтоб сделать совершенным поэта». Насколько «совершенен» был лес — мы знаем хотя бы из биографии Шекспира, когда он вынужден был, спасаясь от преследований сэра Томаса Льюси, бежать из родного Стрэтфорда в Лондон, — только из-за того, что охотился (браконьерствовал) в землях этого сэра: факт, хотя и с оговорками, но постоянно упоминаемый в английских биографиях великого поэта. А насколько «совершенны» были поля и дороги, — приведем страничку из учебников истории: «...в результате «огораживаний» и захватов общинных полей и угодий... толпы нищих и бродяг заполняли дороги и села Англии. Многие из них принуждены были добывать себе средства к существованию преступлением... В положении бродяги весьма легко мог оказаться согнанный с земли мелкий крестьянин или потерявший заработок рабочий, которому для присискания места давался лишь месячный срок. По истечении этого срока безработный уже считался бродягой, который, согласно закону, изданному при Эдуарде VI,

мог быть отдан в рабство тому, кто донесет на него, как на праздншатающегося». Преследования, которым подвергались невольные английские бродяги, Маркс назвал «кровавым законодательством против экспропрированных». И эти бродяги, объявленные «вне закона» («out-laws»), становившиеся такими обычными на английских дорогах разбойниками, — нам тоже хорошо известны если не из биографии, то из произведений Шекспира. Великий поэт не обошел этого трагического явления своего «золотого века». В ранней пьесе «Два джентльмена из Вероны» (1591) он приводит таких разбойников, называя их «оутлос» (внезаконники) и прося за них, устами своего героя, о пощаде у герцога: «Эти изгнанные из общества люди обладают многими ценными качествами... прости им... верни их из их изгнания... они... исправились, они полны добра и годны для большой работы (great employment)...»¹

Все эти беглые справки, быть может, — скучные для читателя, необходимы, чтоб разрушить стандарт, укрепившийся в биографиях Шекспира. Не сыном мнимого «золотого века», а сыном бурного, исполненного огромных контрастов, беспокойного времени, когда начинали складываться и мощь, и бессилие, и богатство, и нищета Англии, — был Вильям Шекспир. И лишь такое бурное время, а не мертвое царство мнимого всеобщего благоденствия — могло напитать могучее творчество величайшего поэта той изумительной жизненной силой, какой дышат его творенья, не только не постаревшие за сорок лет, но ставшие еще более нужными, еще более близкими нашему времени.

В ОДНОМ из «игрушечных» домиков Стрэтфорда 23 апреля 1564 года родился первый сынишка после двух старших сестер, названный Вильямом. Отец мальчика торговал разного рода продукцией крестьянского труда, — овечьей шерстью, зерном, кожей; мать была из зажиточной фермерской семьи, чьи поля прилегали к самому Стрэтфорду. И хотя маленький Вильям получил хорошее среднее образование в городской «грамматической» школе, где преподавали греческий и латынь, и рос в городе, — но он с детства был окружен деревней и деревенской природой. Исследователи его творчества не раз удивлялись отличным знаниям Шекспира не только всех видов крестьянского труда, но и удивительно точным описанием растений и злаков применительно к каждому времени года, россыпи метких народных словечек, пословиц и поговорок, упоминаниям разных народных суеверий, — например, характерных английских «кружков из трав», завиваемых по ночам эльфами, — эти странные танцующие кружочки в травах попадают в Англию и до сих пор, — и нет-нет, да мелькнут в современных романах... Но удивляться следовало бы не тому, что драматургия Шекспира проникнута поэзией родной земли и труда на ней, а, наоборот, если б все это отсутствовало у него. Странно забыть, что величайший поэт мира, сорок лет насыщающий своими произведениями театральные сцены всего человечества, проводивший большую часть своей сознательной жизни в близости ко двору Елизаветы Английской, друживший с первыми вельможами Англии и получивший (правда, стараниями своего отца) даже

дворянский герб, — был и остался до самой смерти крестьянским сыном. Даже брак его носит типично крестьянский характер — он женился на девушке старше его на целых восемь лет, из зажиточной семьи, — видимо, по соображениям больше практическим, нежели по склонности.

Весь мир охватило его творческое воображение, и география его драм огромна. Италия, Дания, Греция, Богемия, новооткрытые океанические острова — множество «мест действия», где разыгрываются бурные человеческие страсти, Польша, Венгрия, Вена, далекая Россия («русский император», как отец Гермियोны из «Зимней сказки»), Гвиана, Ост- и Вест-Индия в шуточных репликах Фальстафа из «Виндзорских кумушек», — и вовсе не важно, что у него Милан — морской порт и даже Чехия (Богемия) оказывается на морском берегу, — а важен глубоко английский характер всех этих его заморских пейзажей: мягкий, холмистый очерк земли, яркая зелень лугов, кудрявые лиственные кущи, вьющийся по земле вереск, туманное очарование торфяных болот и блуждающие по ночам светлячки над ними... Он переносит своих разбойников, «оутлос», на границу Мантуй, но лес, где они подвизаются, — типичный английский лес. И в той же Чехии (Богемии) разворачивается типично-английский, жгуче-современный для времени Шекспира, праздник, — праздник овечьей стрижки, идет сбор главного английского богатства, овечьей шерсти, и мы вдруг наталкиваемся на чешской земле на пресловутые «хэджи», а героиня поэтичнейшей пьесы Шекспира, «Зимней сказки», перечисляет цветы, свойственные каждому сезону года, и горячо возражает против искусства прививки, не желая видеть в своем саду ничего, что не рождалось бы естественно самой природой. И переодетый царь, как заправский садовник, поучает ее:

Искусство — то ж дитя природы,
Красит
Она его. Мы ветку прививаем
На грубую кору, мой друг,
и диний
Ствол зачинает от природы
высшей,
Сам лучше делаешь. Итак,
искусство
Природу улучшает, иль, верней,
Немного изменяет, оставаясь
По-прежнему все тою же
природой².

Эти замечательные слова могли бы стать эпиграфом к бытию самого Шекспира. Десяткан поколений простых труженников, работавших на земле, обязан Шекспир и своим огромным запасом творческой силы, и своим ясным гением, своим народным здравым смыслом и юмором, мощью чисто народного, чисто английского практицизма, который отмечает в нем все его биографы. Таланту своей быстрой апперцепции, умению схватить и осмыслить многочисленные и разнообразные интересы своего времени, несомненной начитанности, общению с творческими деятелями эпохи, — этой прививке высшей природы, остающейся по-прежнему все той же природой, обязан Шекспир колоссальным разворотом характеров и положений, глубиной духовной жизни своих драм и героев, и гигантскими образами человеческих страстей и характеров. Если сюжетные положения он мог почерпнуть из английских и итальянских хроник, прочитанных и изученных, или богато черпать их из трудов своих предшественников и современников, то высота и мощь его творений, словно Гималаи, возносящих свои вершины над плывущими,

¹ Я привожу цитаты из Шекспира большею частью в своем прозаическом переводе из превосходного издания Эрнста Риса «Everyman's Library» 1913 года. Другие издания всякий раз огораживаю. — М. Ш.

² Шекспир под редакцией С. А. Венгерова. Издание Вроцкауса — Ефрона, Спб., 1903. Том IV, стр. 409.

ШЕКСПИР ГЛАЗАМИ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

как облака внизу, — столетиями, — эта высота и мощь является «высшей природой», переработанным опытом жизни самого Шекспира. И здесь мы подходим ко второй легенде, которой само время, само углубленное изучение Шекспира наносит сокрушающий удар, отбрасывая ее, как абсолютную нелепость: легенде о том, что «биография» Шекспира не подходит к гению его произведений и, значит, надо их приписать другим, «более подходящим» лицам, от всевозможных лордов Лейстеров, Соммерсетов до великого Бэкона Вереуламского. Ничего, более позорного, мне кажется, не придумывал досужий ум, — недаром легенда эта родилась за океаном, в стране без культурных традиций. С тем же произволом можно было бы создать легенду и о том, что универсальный гений Ломоносова не мог быть достойным архангельского мужика, а под фамилией Ломоносова скрывались Шуваловы или немецкие академики или баловался сам Петр Великий. Именно биография Шекспира, его происхождение и все, что дошло к нам от его живой личности, — необычайно подходит к нему, объясняет его, помогает понять всю мощь его гения. И если страшные образы королей и феодалов, изящные образы любви и ненависти, смешные и жестокие положения мог он почерпнуть из династических хроник, из итальянских новелл, то насытить своих героев мощью человеческих переживаний, раскрыть до предельной глубины их психологию помог ему опыт его собственной жизни, — больше, пожалуй, в маленьком Стратфорде, чем в большом королевском Лондоне. Если вдуматься в трагедию обманутого отца, разделившего до своей смерти свое имущество, — раздвинутую Шекспиром до великого мирового смысла, в страшный и трогательный, безмерно оскорбляемый, способный возвыситься до социальных обобщений и тут же, униженно смиряясь, покориться перед вечной обидой, — образ Шейлока; в сварливость и жестокость женщины, подталкивающей руку убийцы-мужа, — то ведь глубины переживаемых ими страстей во всем их человеческом примитивизме, в их обнаженной жизненности легче было подсмотреть в деревенских образах и событиях, нежели под прикрытием городского лицемерия и лоска. Гёте назвал трагедию Лира — трагедией каждого старого человека.

Возьмем изображение ревности у Шекспира. Уже много раз исследователи его драматургии указывали на то, что «Отелло» — вовсе не трагедия ревности, а, наоборот, трагедия доверия, — и делать Отелло синонимом ревнивца — это укрепившаяся историческая наприраслина. Какой Отелло ревнивец! Он любит, любит по-настоящему, а такая любовь самоотверженна. Он говорит о любимой:

О, если я найду, что ты, мой сокол,
Стал дик, — твои я пути
Хоть будь они из струн разорву,
И — бог с тобой: лети, куда захочешь!

Но когда Шекспир хочет изобразить настоящего ревнивца, настоящую ревность, он употребляет крепкие простонародные выраженья, грубые слова, хотя произносит их король в «Зимней сказке», — и эти грубые, полные терпкого, совсем не «аристократического», не придворного цинизма слова рождены до всяких подсказываний злых Яго, никем не внушены, кроме источника всякой ревности, — нечистой подозрительности и задетого самолюбия:

А эти Шептанья вечные, щена к щеке,
Нос к носу, поцелуй прямо в губы,
И смех, и вздох, — ясный знак измены,
А пожиманья ног, а эти прятки,
В укромных уголках...

В оригинале это замечательное «нос к носу» еще грубее и чувственней: «встречи носов». И не только не подзадориванья и наускиванья Яго, а наоборот — трезвый и мудрый Камилло, всячески успокаивающий и защищающий невинную Гермиону от подозрений своего взбешенного и укушенного самолюбием монарха, — вот в какой обстановке изображен Шекспиром настоящий рев-

нивец в его обнаженной, грубой человеческой страсти.

С сердечной теплотой рисует Шекспир простых людей и, даже подсмеиваясь над их неуклюжестью и наивностью, одаряет их недожинной смекалкой и здравым смыслом, — таковы пастух, крестьяне, бродяга Автолик в «Зимней сказке». Заканчивается широкое полотно «Сна в летнюю ночь», исполненное высокой поэзии; отступает колдовство этой особенной ночи, ночи середины лета, когда цветет папоротник и дозволены волшебные игры фей. Влюбленные парочки находят друг друга, афинский герцог Тезей мирится со своей женой, и граждане Афин дают в честь них праздник. Министр увеселений двора подносит Тезею программу торжеств. Тезей читает ее вслух, — воспевание битв, вакханки, критическая сатира — он отмечает все это, а последнюю, как неподходящую для брачной ночи. Но вот — история любви Пирама и Тисбии, смешно и весело, — кто их изображает? И тут, после перечня профессиональных номеров, мы встречаем у Шекспира неожиданный зачаток «самодельности». Министр отвечает герцогу: «Люди физического труда (hardhanded men), работающие в Афинах». Кто же эти рабочие, самодеятельные актеры, на которых остановился выбор Тезея? Очарование волшебной июньской ночи «Сон в летнюю ночь», — заканчивают своей забавной игрой плотник (carpenter), ткач (weaver), столяр (joiner), лудильщик (tin-ker), кузнец или воздуходувщик, работающий мехами у горна (bellows-mender), — все основные профессии тогдашнего рабочего люда. И чем-то очень своим, насмешливо-добрососедским веет

здесь от речи Шекспира... А сама эта речь! Четыреста лет истекло со времени ее звучания. В английских изданиях к драмам приложен словарь, объясняющий значение некоторых, вышедших из употребления английских слов. Но если вы читаете Шекспира по-английски, не заглядывайте в словарь! Вам все будет понятно. Вам все покажется близким. Ни в величавом «ты» вместо теперешнего «вы», ни в избитых французских слов, ни в латинских корнях, — ни в чем не почувствуете вы архаизма. К вам приблизится бурное и величавое время, — преступлений и действий, но и великих раздумий, эпохи грабежа и накопленья, династических убийств и народных волнений, освоенья маленькой нашей планеты, открытия новых земель и островов, тяги Англии в море, оживленья портов и гаваней, но и духовного наследования светлой эпохи Возрождения. За 29 лет до рождения Шекспира был казнен великий английский утопист Томас Мор, за 13 лет до Шекспира вышел знаменитый английский перевод Ральфа Робинсона (с латыни) «Золотой книги об Утопии» Томаса Мора, бывшей во время жизни Шекспира на руках у многих образованных англичан и, несомненно, знакомой Шекспиру. Но не только Томас Мор, которому принадлежат гневно-обличительные страницы о положении английского крестьянства, сгоняемого лендлордами с земли, — а и классические раздумья Монтеня («Опыты») выхлудили из печати четырежды еще при жизни самого ав-

тора и в годы творческой молодости Шекспира (1580, 1582, 1587, 1588). Знал ли Шекспир (читавший по-французски) проглавленные в его время «Опыты»? Не только знал. Он почти дословно цитировал их. Сложное и полное контрастов время второй половины XVI по начало XVII века нам кажется сейчас временем человеческой молодости, а мудрым его современникам, таким, как Монтень, оно представлялось чуждым ли не концом человечества, дряхлым, лицемерным, обросшим условностями, клонящимся к гибельному упадку. В философские раздумья невольно вторгались мысли о бесплодности цивилизации с ее непосильным для народа трудом, о вреде технических открытий, еще более ухуд-

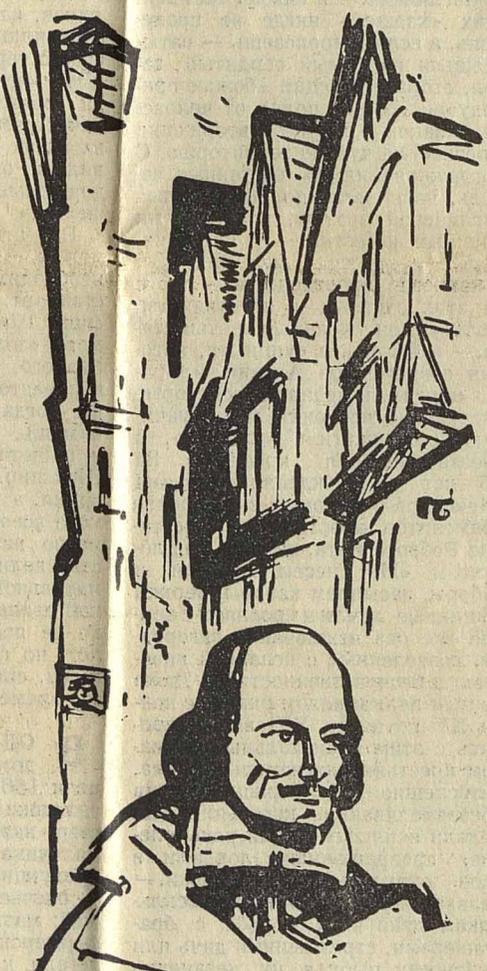

Рисунок П. БУНИНА

шающих положение трудящихся, о необходимости вернуться к природе и первоначальной простоте. И когда открыли океанические острова с их «дикарями», жизнь этих дикарей, даже людоедов, канибалов — представлялась утомленным глазам мыслителя чем-то бесконечно свежим и прекрасным, спасением от развращенной цивилизации. Монтень писал в своих «Опытах» о канибалах: «Мне досадно, что ничего не знали о них ни Ликург, ни Платон, ибо то, что мы видим у этих народов своими глазами, превосходит, по моему, не только все картины, которыми поэзия изукрашила золотой век, и все ее выдумки и фантазии о счастливом состоянии человечества... Вот народ, мог бы сказать я Платону, у которого нет никакой торговли, никакой письменности, никакого знакомства со счетом, никаких признаков власти или превосходства над остальными, никаких следов рабства, никакого богатства и никакой бедности, никаких наследств, никаких разделов имущества, никаких занятий, кроме праздности, никакого особого почитания родственных связей, никаких одежд, никакого земледелия, никакого употребления металлов, вина или хлеба».

А теперь развернем лебединую песь Шекспира, его бессмертную «Бурю». Выброшенный на берег неведомого острова неополитанский король со своими близкими бродит по безлюдному лесу, и старый, мудрый вельможа Гонзало говорит ему:

...А если бы я был здесь государем,
Хотите знать, чтоб сделал я тогда?

...В противность всем известным учреждениям Развил бы я республику мою. Промышленность, чины я б уничтожил И грамоты никто бы здесь не знал; Здесь не было б ни рабства, ни богатства, Ни бедности; я строго б запретил Наследственное право и границы; Возделывать поля или сады Не стали б здесь; изгнал бы я металлы И всякий хлеб, и масло, и вино; Все в праздности здесь жили б без заботы, Здесь не было б правительства... И буду я так славно управлять, Что затемно своим я управленьем Век золотой...⁵

Это почти дословно. Совпадения идут и дальше, они есть и в «Зимней сказке», где героиня буквально словами Монтеня стоит лишь за природные цветы, возражая против прививок и всяких вмешательств в природу. Мест, где Шекспир переключается с лучшими мыслителями своего века и эпохи Возрождения, — множество. «Гамлет» не родился на пустом месте. Философское раздумье над жизнью и временем, осужденье этого времени — было в воздухе века, и образ Гамлета потому так близок и дорог человечеству, что гений Шекспира дал в нем обобщение глубоко реального, исторического явления его современности.

НАИБОЛЕЕ зрелые свои произведения Шекспир создавал уже в Лондоне, в течение лет 1594—1609. Испробовав множество около-театральных профессий, он под конец прославился в Лондоне как драматург и хороший актер. Но кончат жизнь Шекспир вернулся в родной Стратфорд. Какая-то спокойная мудрость, многосторонний охват жизни, обширные знания встают перед читателем из двух завершающих его вещей — «Зимней сказки» и «Бури». В них он завещал человечеству то, что и раньше пронизывало все его творчество, — музыку. Нельзя отделить Шекспира от музыки, не только потому, что она сопровождает почти каждое действие его пьес, вплоть до кровавых сцен «Макбета». Но и потому, что Шекспир, как никто из великих поэтов, оставил нам нравственное истолкование музыки. В «Венецианском купце» его дает Лоренцо:

Нет на земле живого существа Столь жесткого, крутого, адски-злого, Чтоб не могла хотя на час один В нем музыка свершить переворота. Кто музыки не носит сам в себе, Кто холоден к гармонии прелестной, Тот может быть изменником, лгуном, Грабителем; души его движенья Темны, как ночь, и как Эреб, черна Его приязнь. Такому человеку Не доверяй⁶.

А в завершающей его творческий путь «Буре», где Просперо, — в котором Шекспир как бы олицетворяет себя, — отказывается от своего волшебного жезла и ведуньи-книжки, — он прощается с магией искусства, воссоздающего природу и человеческую жизнь, сам ставит точку над своим бытием и заканчивает свой монолог последним обращением к музыке:

Лишь одного осталось мне жалеть: Мне музыки небесной нужны звуки, Чтоб действовать на чувства тех людей, Которых ум я чарами расстроил⁷.

Невольно вспоминаешь слова старого Толстого о возможной гибели мира: — вот только музыку жалко, сказал Толстой, выделяя ее из всего сущего.

Что дал и дает Шекспир человечеству? Попробуйте представить себе, что в одно прекрасное утро вы проснулись на земле нашей планеты без Шекспира. Все в ней остается, как было, но Шекспира никогда не существовало. И вы вдруг до остроты почувствуете обеднение, оскудение внутреннего мира человека. Нет и не было огромных образов, огромных страстей, возникших под его пером. Не было встречи Ромео с Джульеттой, убийства Дездемоны, монолога бездомного Лира в грозу, философского «быть или не быть» Гамлета, его тонкого профиля на фоне истекших четырех веков... Немыслимо это представить себе, страшно это представить себе. — Шекспир вросся в плоть и кровь человечества, он составная часть всей культуры. И с каждым годом множится его богатство, потому что растет человеческая мысль и учится находить в нем все новое и новое.

⁵ Шекспир в издании Брокгауза — Ефрона, «Буря», стр. 464.
⁶ Шекспир в издании Брокгауза — Ефрона, том I, стр. 480.
⁷ Там же.

Окончание. На
кб. об. ак. вь
ми «высши
тается «высши
переработанным
Шекспира

(Окончание. Начало на 3-й стр.)

ШЕКСПИР ГЛАЗАМИ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

как облака внизу, — столетиями, — эта высота и мощь является «высшей природой», переработанным опытом жизни самого Шекспира. И здесь мы подходим ко второй легенде, которой само время, само углубленное изучение Шекспира наносит сокрушающий удар, отбрасывая ее, как абсолютную нелепость: легенде о том, что «биография» Шекспира не подходит к гению его произведений и, значит, надо их приписать другим, «более подходящим» лицам, от всевозможных лордов Лейстеров, Соммерсетов, до великого Бэкона Вереуламского. Ничего, более позорного, мне кажется, не придумывал досужий ум, — недаром легенда эта родилась за океаном, в стране без культурных традиций. С тем же произволом можно было бы создать легенду и о том, что универсальный гений Ломоносова не мог быть достойным архангельского мужика, а под фамилией Ломоносова скрывались Шуваловы или немецкие академики или баловался сам Петр Великий. Именно биография Шекспира, его происхождение и все, что дошло к нам от его живой личности, — необычайно подходит к нему, объясняет его, помогает понять всю мощь его гения. И если страшные образы королей и феодалов, изящные образы любви и ненависти, смешные и жестокие положения мог он почерпнуть из династических хроник, из итальянских новелл, то насытить своих героев мощью человеческих переживаний, раскрыть до предельной глубины их психологию помог ему опыт его собственной жизни, — больше, пожалуй, в маленьком Стратфорде, чем в большом королевском Лондоне. Если вдуматься в трагедию обманутого отца, разделившего до своей смерти свое имущество, — раздвинутую Шекспиром до великого мирового смысла; в страшный и трогательный, безмерно оскорбляемый, способный возвыситься до социальных обобщений и тут же, униженно смиряясь, покориться перед вечной обидой, — образ Шейлока; в сварливость и жестокость женщины, подбивающей, подталкивающей руку убийцы-мужа, — то ведь глубины переживаемых ими страстей во всем их человеческом примитивизме, в их обнаженной жизненности легче было подсмотреть в деревенских образах и событиях, нежели под прикрытием городского лицемерия и лоска. Гёте назвал трагедию Лира — трагедией каждого старого человека.

Возьмем изображение ревности у Шекспира. Уже много раз исследователи его драматургии указывали на то, что «Отелло» — вовсе не трагедия ревности, а, наоборот, трагедия доверия, — и делать Отелло синонимом ревнивца — это укрепившаяся историческая напраслина. Какой Отелло ревнивец! Он любит, любит по-настоящему, а такая любовь самоотверженна. Он говорит о любимой:

О, если я найду, что ты,
Стал дик, — твои я пути
Хоть будь они из струн моих
И — бог с тобой: лети, куда
разорву,
сердечных,
куда захочешь!

Но когда Шекспир хочет изобразить настоящего ревнивца, настоящую ревность, он употребляет крепкие простонародные выраженья, грубые слова, хотя произносит их король в «Зимней сказке», — и эти грубые, полные терпкого, совсем не «аристократического», не придворного цинизма слова рождены до всяких подсказываний злых Яго, никем не внушены, кроме источника всякой ревности, — нечистой подозрительности и задетого самолюбия:

А эти
Шептанья вечные, щена к щене,
Нос к носу, поцелун прямо в губы,
И смех, и вздохи, — ясный знак
А пожиманья ног, а эти прятки
В укромных уголках...

В оригинале это замечательное «нос к носу» еще грубее и чувственней: «встречи носов». И не только не подзадориванья и науськиванья Яго, а наоборот — трезвый и мудрый Камилло, всячески успокаивающий и защищающий невинную Гермиону от подозрений своего взбешенного и укушенного самолюбием монарха, — вот в какой обстановке изображен Шекспиром настоящий рев-

нивец в его обнаженной, грубой человеческой страсти.

С сердечной теплотой рисует Шекспир простых людей и, даже подсмеиваясь над их неуклюжестью и наивностью, одаряет их недюжинной смекалкой и здравым смыслом, — таковы пастух, крестьяне, бродяга Автолик в «Зимней сказке». Заканчивается широкое полотно «Сна в летнюю ночь», исполненное высокой поэзии; отступает колдовство этой особенной ночи, ночи середины лета, когда цветет папоротник и дозволены волшебные игры фей. Влюбленные парочки находят друг друга, афинский герцог Тезей мирится со своей женой, и граждане Афин дают в честь них праздник. Министр увеселений двора подносит Тезею программу торжеств. Тезей читает ее вслух, — воспевание битв, вакханки, критическая сатира — он отмечает все это, а последнюю, как неподходящую для брачной ночи. Но вот — история любви Пирама и Тисбии, смешно и весело, — кто их изображает? И тут, после перечня профессиональных их номеров, мы встречаем у Шекспира неожиданный зачаток «самодеятельности»: «Министр отвечает герцогу: «Люди физического труда (hardhanded men), работающие в Афинах». Кто же эти рабочие, самодеятельные актеры, на которых остановился выбор Тезея? Очарованные волшебной июньской ночи «Сон в летнюю ночь», — заканчивают своей забавной игрой плотник (carpenter), ткач (weaver), столяр (joiner), лудильщик (tinker), кузнец или воздуходувщик, работающий мехами у горна (bellows-bender), — все основные профессии тогдашнего рабочего люда. И чем-то очень своим, смешным, насмешливо-добрососедским веет

здесь от речи Шекспира... А сама эта речь! Четыреста лет истекло со времени ее звучания. В английских изданиях к драмам приложен словарь, объясняющий значение некоторых, вышедших из употребления английских слов. Но если вы читаете Шекспира по-английски, не заглядывайте в словарь! Вам все будет понятно. Вам все покажется близким. Ни в величавом «ты» вместо теперешнего «вы», ни в изобилии французских слов, ни в латинских корнях, — ни в чем не почувствуете вы архаизма. К вам приблизится бурное и величавое время, — преступлений и действий, но и великих раздумий, эпохи грабежа и накопления, династических убийств и народных волнений, освоения маленькой нашей планеты, открытия новых земель и островов, тяги Англии в море, оживленья портов и гаваней, но и духовного наследования светлой эпохи Возрождения. За 29 лет до рождения Шекспира был казнен великий английский утопист Томас Мор, за 13 лет до Шекспира вышел знаменитый английский перевод Ральфа Робинсона (с латыни) «Золотой книги об Утопии» Томаса Мора, бывшей во время жизни Шекспира на руках у многих образованных англичан и, несомненно, знакомой Шекспиру. Но не только Томас Мор, которому принадлежат гневно-обличительные страницы о положении английского крестьянства, сгоняемого лендлордами с земли, — а и классиче-

тора и в годы творческой молодости Шекспира (1580, 1582, 1587, 1588). Знал ли Шекспир (читавший по-французски) прославленные в его время «Опыты»? Не только знал. Он почти дословно цитировал их. Сложное и полное контрастов время второй половины XVI по начало XVII века нам кажется сейчас временем человеческой молодости, а мудрым его современникам, таким, как Монтень, оно представлялось чуть ли не концом человечества, дряхлым, лицемерным, обросшим условностями, клонящимся к гибельному упадку. В философские раздумья невольно вторгались мысли о бесплодности цивилизации с ее непосильным для народа трудом, о вреде технических открытий, еще более ухуд-

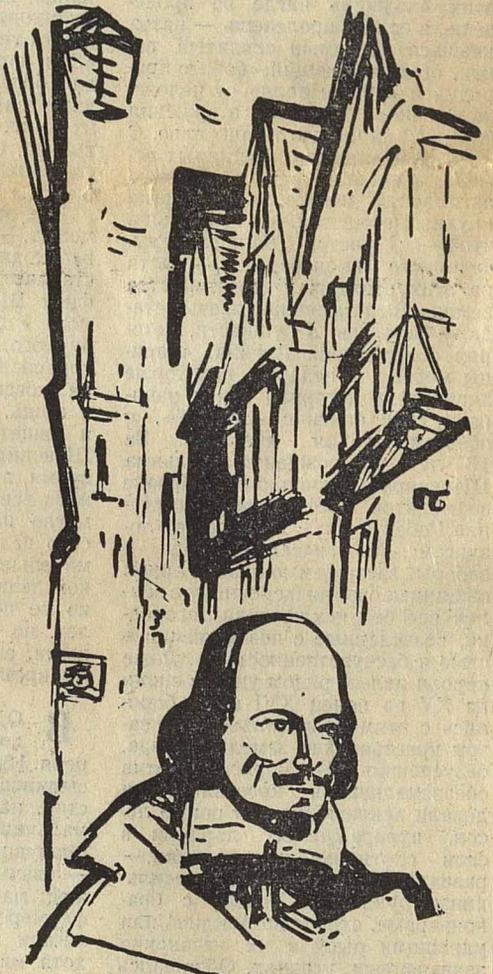

Рисунок П. БУНИНА

шающих положение трудящихся, о необходимости вернуться к природе и первоначальной простоте. И когда открыли океанические острова с их «дикарями», жизнь этих дикарей, даже людоедов, каннибалов — представилась утомленным глазам мыслителя чем-то бесконечно свежим и прекрасным, спасением от развращенной цивилизации. Монтень писал в своих «Опытах» о каннибалах: «Мне досадно, что ничего не знали о них ни Ликург, ни Платон, ибо то, что мы видим у этих народов своими глазами, превосходит, по-моему, не только все картины, которыми поэзия изукрашила золотой век, и все ее выдумки и фантазии о счастливом состоянии человечества... Вот народ, мог бы сказать я Платону, у которого нет никакой торговли, никакой письменности, никакого знакомства со счетом, никаких признаков власти или превосходства над остальными, никаких следов рабства, никакого богатства и никакой бедности, никаких наследств, никаких разделов имущества, никаких занятий, кроме праздности, никакого особого почитания родственных связей, никаких одежд, никакого земледелия, никакого употребления металлов, вина или хлеба».

А теперь развернем лебединую песнь Шекспира, его бессмертную «Бурю». Выброшенный на берег неведомого острова неополитанский король со своими близкими бродит по безлюдному лесу, и старый, мудрый вельможа Гонзало говорит ему:

АЖЕ сейчас, когда вы въезжаете на тихую улочку Стрэтфорда-на-Эвоне, и вас окружают игрушечные домики с треугольниками чердаков, перепоясанные по фасадам деревянными балками, похожими на медовые рамы, вынутые из ульев, — даже сейчас кажется он вам не городом, а деревней. А уж четверста лет назад этот старинный городок несомненно смыкался с деревней, к самым стенам его подходили крестьянские поля, фермерские усадьбы, торговля в нем шла крестьянскими товарами, а злободневнейшими интересами в нем были интересы тогдашнего сельского хозяйства. А интересы эти были очень острые, — быть может, острее в истории старой Англии. Если вы сейчас поедите по английским дорогам, вас уж наверно удивят бесконечные цепочки плетней, огораживающих дорожку справа и слева, — от лесов и полей, лугов и роц. Заходите, как это привыкли мы делать у нас, размять ноги, выйти из машины и прогуляться в леску, а вот и нельзя, — всюду, куда ни глянь, — огорожено, всюду плетень, хэдж по-английски, — и сквозь частокот этих «хэджей» нигде не пролезешь, а если и пролезешь — наткаешься на самый сердитый закон, огораживающий «божью природу» и «общие поля» от человека, — закон против вторжения (треспес) на чужую территорию. С «огораживаниями» общинных земель, насильственно отнимаемых английской знатью, владельцами крупных поместий, — от крестьян, чтоб, — с ростом мануфактуры, суконного производства, — пасти на этих отнятых у крестьянства землях свои тысячные овечьи стада, — началась, в сущности, история современной Англии, «царицы морей», и недаром некоторые английские историки так и начинают свои книги с «хэджей», с обезземеливания крестьян. За 15 лет до рождения Вильяма Шекспира произошло в Норфолке знаменитое крестьянское восстание Роберта Кэта, шедшее под лозунгом: «Мы несем изгороди и заборы, засыплем канавы, вернем общинные земли и сровняем с землей все без исключения загородки, возведенные с позорной низостью и бесчувственностью». Даже короли целым рядом указов с конца XV по конец XVI века боролись с этим произвольным захватом крестьянских земель, правда, безуспешно. И борясь против обезземеливания крестьян, они делали исключения для роц и лесов, превращаемых лордами в свои охотничьи заповедники, — развязывая этим знатным насильникам руки в их борьбе с браконьерами, стрелявшими дичь или удившими рыбу в их, незаконно захваченных, угодьях. Обращаясь к жизни Вильяма Шекспира, мы прежде всего наталкиваемся на первую легенду, созданную историком на его родине: легенду «золотого века». Крупнейший современный английский стилист, историк-кэмбридждец Г. М. Тревелиян так и пишет в своей знаменитой «Английской социальной истории»: «Шекспиру удалось жить в лучшее время для страны... Лес, поле и город были в состоянии совершенства, и все три были нужны, чтоб сделать совершенным поэту». Насколько «совершенен» был лес — мы знаем хотя бы из биографии Шекспира, когда он вынужден был, спасаясь от преследований сэра Томаса Льюиса, бежать из родного Стрэтфорда в Лондон, — только из-за того, что охотился (браконьерствовал) в землях этого сэра: факт, хотя и с оговорками, но постоянно упоминаемый в английских биографиях великого поэта. А насколько «совершенны» были поля и дороги, — приведем страничку из учебников истории: «...в результате «огораживаний» и захвата общинных полей и угодий... толпы нищих и бродяг заполняли дороги и села Англии. Многие из них принуждены были добывать себе средства к существованию преступлением... В положении бродяги весьма легко мог оказаться согнанный с земли мелкий крестьянин или потерявший заработок рабочий, которому для прискания места давался лишь месячный срок. По истечении этого срока безработный уже считался бродягой, который, согласно закону, изданному при Эдуарде VI,

ШЕКСПИР ГЛАЗАМИ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Мариятта ШАГИНЯ

мог быть отдан в рабство тому, кто донесет на него, как на празднопотающего». Преследования, которым подвергались невольные английские бродяги, Маркс назвал «кровавым законодательством против экспропрированных». И эти бродяги, объявленные «вне закона» («out-laws»), становившиеся такими обычными на английских дорогах разбойниками, — нам тоже хорошо известны если не из биографии, то из произведений Шекспира. Великий поэт не обошел этого трагического явления своего «золотого века». В ранней пьесе «Два джентльмена из Вероны» (1591) он приводит таких разбойников, называя их «оутлос» (внезаконники) и прося за них, устами своего героя, о пощаде у герцога: «Эти изгнанные из общества люди обладают многими ценными качествами... прости им... верни их из их изгнания... они... исправились, они полны добра и годны для большой работы (great employment)...»¹

Все эти беглые справки, быть может, — скучные для читателя, необходимы, чтоб разрушить стандарт, укрепившийся в биографиях Шекспира. Не сыном мнимого «золотого века», а сыном бурного, исполненного огромных контрастов, беспокойного времени, когда начинали складываться и мощь, и бессилие, и богатство, и нищета Англии, — был Вильям Шекспир. И лишь такое бурное время, а не мертвое царство мнимого всеобщего благоденствия — могло напитать могучее творчество величайшего поэта той изумительной жизненной силой, какой дышат его творенья, не только не постаревшие за четыреста лет, но ставшие еще более нужными, еще более близкими нашему времени.

В ОДНОМ из «игрушечных» домиков Стрэтфорда 23 апреля 1564 года родился первый сынишка после двух старших сестер, названный Вильямом. Отец мальчишка торговал разного рода продукцией крестьянского труда, — овечьей шерстью, зерном, кожей; мать была из зажиточной фермерской семьи, чьи поля прилегали к самому Стрэтфорду. И хотя маленький Вильям получил хорошее среднее образование в городской «грамматической» школе, где преподавали греческий и латынь, и рос в городе, — но он с детства был окружен деревней и деревенской природой. Исследователи его творчества не раз удивлялись отличным знаниям Шекспира не только всех видов крестьянского труда, но и удивительно точным описаниям растений и знаков применительно к каждому времени года, россыпи метких народных словечек, пословиц и поговорок, упоминаниям разных народных суеверий, — например, характерных английских «кружков из трав», завиваемых по ночам эльфами, — эти странные танцующие кружочки в травах попадаются в Англии и до сих пор. — и нет-нет, да мелькнут в современных романах... Но удивляться следовало бы не тому, что драматургия Шекспира проникнута поэзией родной земли и труда на ней, а, наоборот, если б все это отсутствовало у него. Странно забыть, что величайший поэт мира, четверста лет насыщающий своими произведениями театральные сцены всего человечества, проводивший большую часть своей сознательной жизни в близости ко двору Елизаветы Английской, друживший с первыми вельможами Англии и получивший (правда, стараниями своего отца) даже

дворянский герб, — был и остался до самой смерти крестьянским сыном. Даже брак его носит типично крестьянский характер — он женился на девушке старше его на целых восемь лет, из зажиточной семьи, — видимо, по соображениям больше практическим, нежели по склонности.

Весь мир охватило его творческое воображение, и география его драм огромна. Италия, Дания, Греция, Богемия, новооткрытые океанические острова — множество «мест действия», где разыгрываются бурные человеческие страсти, Польша, Венгрия, Вена, далекая Россия («русский император», как отец Гермियोны из «Зимней сказки»), Гвиана, Ост- и Вест-Индия в шуточных репликах Фальстафа из «Виндзорских кумушек», — и все не важно, что у него Милан — морской порт и даже Чехия (Богемия) оказывается на морском берегу, — а важен глубоко английский характер всех этих его заморских пейзажей: мягкий, холмистый очерк земли, яркая зелень лугов, кудрявые лиственные кусты, вьющийся по земле вереск, туманное очарование торфяных болот и блуждающие по ночам светлячки над ними... Он переносит своих разбойников, «оутлос», на границу Мантуй, но лес, где они подвизаются, — типичный английский лес. И в той же Чехии (Богемии) разворачивается типично-английский, жгуче-современный для времени Шекспира, праздник, — праздник овечьей стрижки, идет сбор главного английского богатства, овечьей шерсти, и мы вдруг наталкиваемся на чешской земле на пресловутые «хэджи», а героиня поэтичнейшей пьесы Шекспира, «Зимней сказки», перечисляет цветы, свойственные каждому сезону года, и горячо возражает против искусства прививки, не желая видеть в своем саду ничего, что не рождалось бы естественно самою природой. И переодетый царь, как заправский садовник, поучает ее:

Искусство — то ж дитя природы.
Красит
Она его. Мы ветку прививаем
На грубую кору, мой друг,
и дикий
Ствол зачинает от природы
высшей,
Сам лучше делается. Итак,
искусство
Природу улучшает, иль, верней,
Немного изменяет, оставляя
По-прежнему все тою же
природой².

Эти замечательные слова могли бы стать эпиграфом к бытию самого Шекспира. Десяткам поколений простых тружеников, работавших на земле, обязан Шекспир и своим огромным запасом творческой силы, и своим ясным гением, своим народным здравым смыслом и юмором, мощью чисто народного, чисто английского практицизма, который отмечают в нем все его биографы. Таланту своей быстрой апперцепции, умению схватить и осмыслить многочисленные и разнообразные интересы своего времени, несомненной начитанности, общению с творческими деятелями эпохи, — этой прививке высшей природы, остающейся по-прежнему все той же природой, обязан Шекспир колоссальным разворотом характеров и положений, глубиной духовной жизни своих драм и героев, и гигантскими образами человеческих страстей и характеров. Если сюжетные положения он мог почерпнуть из английских и итальянских хроник, прочитанных и изученных, или богато черпать их из трудов своих предшественников и современников, то высота и мощь его творений, словно Гималаи, возносящих свои вершины над плывущими,

¹ Я привожу цитаты из Шекспира больше частью в своем прозаическом переводе из превосходного издания Эрнста Риса «Everyman's Library» 1913 года. Другие издания всякий раз оговариваю. — М. Ш.

² Шекспир под редакцией С. А. Венгерова. Издание Вронгауза — Ефрона, СПб., 1903, Том IV, стр. 409.

(Окончание на 4-й стр.)